

Во стольном во городе во Киеве
У ласкова осударь князя Владимира
Вечеренка была,
На пиру у него сидели честные вдовы.
Пригодился тут Иван Годинович,
И проговорит ему Стольнокиевский
Владимир-князь: «Гой еси, Иван ты Годинович!
А зачем ты, Иванушка, не женишься?»
Отвечает Иван сын Годинович:
«Рад бы, осударь, женился, да негде взять;
Где охота брать – за меня не дают,
А где-то подают – ту я сам не беру».
А проговорит ласковый Владимир-князь.
«Гой еси, Иван сын Годинович!
А садися ты, Иван, на ременчат стул,
Пиши ерлыки скорописчаты».
А сажился тотчас Иван на ременчат стул,
Написал ерлык скорописчатый
А о добром деле – о сватанье,
К славному городу Чернигову,
К Дмитрию, гостю богатому.
Написал он ерлык скорописчатый,
А Владимир-князь ему руку приложил:
«А не ты, Иван, поедешь свататься,
Сватаюсь я-де, Владимир-князь».
А скоро-де Иван снаряжается,

А скоря того поездку чинит
Ко «славному» городу Чернигову.
Два девяноста-то мерных верст
Переехал Иванушка в два часа.
Стал он, Иван, на гостинном дворе,
Скочил он, Иван, со добра коня.
Привязавши коня к дубову столбу,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрию-гостю кланяется,
Положил ерлык скорописчатый на круглый стол.
Дмитрий-гость распечатывает,
«Распечатывает» и рассматривает,
Просматривает и прочитывает:
«Глупый Иван, неразумный Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена
В дальну землю Загорскую,
За царя Афромея Афромеевича.
За царя отдать – ей царицею слыть,
Панове все поклонятся,
Пановя и улановя,
А немецких языков счету нет;
За тебя, Иван, отдать – холопкой слыть,
Избы мести, заходы скрести».

Тут Иванушку за беду стало,
Схватя ерлык, Иван да и вон побежал.
Садился Иван на добра коня,
Побежал он ко городу Киеву.
Скоро Иван на двор прибежал,
И приходит он во светлу гридню,
Ко великому князю Владимиру,
Спасову образу молится,
А Владимиру-князю кланяется.
Вельми он, Иван, закручинился,
Стал его Владимир-князь спрашивать,
А стал Иван рассказывать:
«Был я у Митрия во дому,
Положил ерлык на круглый стол,
Дмитрий-гость не задерживал меня в том,
Скоро ерлыки прочитывал
И говорил таковы слова:
«Глупый ты-де Иван, неразумный Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана
В дальну землю Загорскую,
За царя Афромея Афромеевича.
За царя-де ее отдать – царицею слыть,
Панове все поклонятся,
Панове все и улановья,
А немецких языков счету нет;

За тебя-де, Иван, отдать – холопкой слыть,
Избы мести да заходы скрести».
Тут ему, князю, за беду стало,
Рвет на главе черны кудри свои,
Бросает их о кирпичет пол:
«Гой еси, Иван Годинович!
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя, Иван, третье сто,
Поезжай ты о добром деле – о сватанье;
Честью не даст, – ты и силою бери!»
Скоро молодцы те собираются,
А скоря того поездку чинят.
Поехали к городу Чернигову;
А и только переехали быстрого Непра –
Выпала пороха снегу белого.
По той по порохе, по белу снегу,
И лежат три следа звериные:
Первой след гнедого тура,
А другой след лютого зверя,
А третей след дикого вепря.
Стал он, Иван, разъясачивати:
Послал он за гнедым туром сто человек
И велел поймать его бережно,
Без той раны кровавая;

И за лютым зверем послал другое сто
И велел изымать его бережно,
Без той раны кровавья;
И за диким вепрем послал третье сто,
А велел изымать его бережно,
Без тоя раны кровавья,
И привести их во стольный Киев-град
Ко великому князю Владимиру.
А сам он, Иван, поехал единой во Чернигов-град,
И будет Иван во Чернигове,
А у Дмитрия, гостя богатого,
Скачет Иван среди двора,
Привязал коня к дубову столбу,
Походил он во гридню светлую,
К Дмитрию, гостю богатому;
Спасову образу молится,
Дмитрию-гостю не кланяется;
Походил за занавесу белую
Он к душке Настасье Дмитревне.
А тут у Дмитрия, гостя богатого,
Сидят мурзы-улановья,
По-нашему, сибирскому, – дружки слывут.
Привезли они платице цветное,
Что на душку Настасью Дмитревну,
Платья того на сто тысячей,
От царя Афромея Афромевича;

А сам царь Афромей Афромеевич
Он от Чернигова в трех верстах стоит,
А силы с ним три тысячи.
Молоды Иванушка Годинович
Он из-за занавесу белого
Душку Настасью Дмитриевну
Взял за руку за белую,
Потащил он Настасью, лишь туфли звенят.
Что взговорит ему Дмитрий-гость:
«Гой еси ты, Иванушка Годинович!
Суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь;
Можно тебе взять не гордостью, -
Веселым пирком-свадебкой!»
Только Иван слово выговорил:
«Гой еси ты, славный Дмитрий-гость!
Добром мы у тебя сваталися,
А сватался Владимир-князь;
Не мог ты честью мне отдать,
Ноне беру – и не кланяюсь!»
Вытащил ее среди двора,
Посадил на добра коня
И сам метался в седелечко черкесское.
Некому бежать во Чернигов-град
За молодым Иванушком Годиновичем;
Переехал он, Иван, девяносто верст,

Поставил он, Иван, тут свой бел шатер,
Развернул ковры сорочинские,
Постлал потнички бумажные,
Изволил он, Иван, с Настасьею опочив держать.
Донеслась скоро вестка нерадошна
Царю Афромею Афромевичу;
А приехали мурзы-улановья,
Телячьим языком рассказывают:
«Из славного-де города из Киева
Прибежал удал молодец,
Увез твою противницу Настасью Дмитревну».
Царь Афромей Афромеевич
Скоро он вражду чинил:
Обвернется гнедым туром,
Чистые поля туром перескакал,
Темные леса сободем пробежал,
Быстрые реки соколом перлетал,
Скоро он стал у бела шатра.
А и тут царь Афромей Афромеевич
Закричал-заревел зычным голосом:
«Гой еси, Иванушка Годинович!
А и ты суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь;
Почто увез ты Настасью Дмитревну?»
А скоро Иван выходит из бела шатра,
Говорил тут Иванушка Годинович:

«Гой еси, царь Афромей Афромеевич!
Станем мы с тобою бороться о большеине,
Что кому наша Настасья достанется».
И схватились они тут бороться;
Что-де ему, царю, делати
Со молодым Иваном Годиновичем!
Согнет он царя корчагою,
Опустил он о сыру землю;
Царь Афромей Афромеевич
Лежит на земли, свету не видит.
Молоды Иван Годинович
Он ушел за кустик мочиться,
Царь Афромей едва пропищал:
«Думай ты, Настасья, не продумайся!
За царем, за мною, быть – царицею слыть,
Панове все поклонятся, Пановя все, улановя,
А немецких языков счету нет;
За Иваном быть – холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести».
Приходит Иван ко белу шатру,
Напустился с ним опять бороться,
Схватились они руками бороться, -
Душка Настасья Дмитриевна
Изымала Ивана Годиновича за ноги,
Тут его двое и осилили.
Царь Афромей на грудях сидит,

Говорит таково слово: «А и нет чингалища булатного,
Нечем пороть груди белые».

Только лишь царь слово выговорил:

«Гой еси ты, Настасья Дмитриевна!

Поддай чембур от добра коня».

И связали Ивана руки белые,

Привязали его ко сыру дубу.

Царь Афромей в шатер пошел,

Стал с Настасьею поигрывать,

А назолу дает ему, молоду Ивану Годиновичу.

По его было талану добра молодца,

А и молода Ивана Годиновича,

Первая высылка из Киева бежит –

Ровно сто человек;

Прибежали ко тому белу шатру,

Будто зайца в кусте изъехали:

Спиря скочил – тот поспиривает,

Сема прибежал – тот посемянывает;

Которы молодцы они поглавнея,

Срезали чомбуры шелковые,

Молода Ивана Годиновича опростовали.

Говорил тут Иванушка Годинович:

«А и гой вы еси, дружина хоробрая!

Их-то, царей, не бьют, не казнят,

Не бьют, не казнят и не вешают!

Повозите его ко городу ко Киеву,

Ко великому князю Владимиру».
А и тут три высылки все сбиралися,
Нарядили царя в платье цветное,
Повезли его до князя Владимира.
И будут в городе Киеве,
Рассказали тут удалы добры молодцы
Великому князю Владимиру
Про царя Афромея Афромеевича.
И Владимир-князь со княгинею
Встречает его честно, хвально и радощно,
Посадил его за столы дубовые.
Тут у князя стол пошел
Для царя Афромея Афромеевича.
Молоды Иванушка Годинович
Остался он во белом шатре,
Стал он, Иван, жену свою учить,
Он душку Настасью Дмитревну:
Он перво ученье-то – руку ей отсек,
Сам приговаривает: «Эта мне рука не надобна,
– Трепала она, рука, Афромея-царя»;
А второе ученье – ноги ей отсек:
«А и та-де нога мне не надобна, -
Оплеталася со царем Афромеем неверным»;
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь: «А и эти губы мне не надобны, -
Целовали они царя неверного»;

Четверто ученье – голову ей отсек
И с языком прочь: «Эта голова мне не надобна,
И этот язык мне не надобен, -
Говорил со царем неверным
И сдавался на его слова прелестные!»

Втапоры Иван Годинович
Поехал ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
И будет в городе Киеве,
Благодарит князя Владимира
За велику милость, что женил его
На душке Настасье Дмитриевне.

Втапоры его князь спрашивал:
«Где же твоя молодая жена?»

Втапоры Иван о жене своей сказал,
что хотела с Вахrameем-царем в шатре его убить,
за что ей поученье дал, голову срубил.
Втапоры князь весел стал, что отпускал Вахрамея-царя,
своего подданника, в его землю Загорскую.
Только его увидели, что обвернется гнедым туром,
поскакал далече во чисто поле к силе своей.